
Сломанными флажками сверху сигналил птица.
Кто её понимает? — нет никого окрест.
Только над прудом ива — будто пришла топиться.
Ива стоит и плачет, чёрную землю ест.

Бездна небес глядится в тёмный нагрудник пруда,
видя в нём только птицу, рваный её полёт.
Небо само не может жить ожиданьем чуда.
Ива стоит и плачет, чёрную воду пьёт.

Что у неё за горе? Кто её здесь оставил?
Но прибежит купаться — выгнется и вперёд! —
тонкий и голенастый, с виду как будто Авель.
Ива ему смеётся, — кто её разберёт.

Я видела — в лугах его, далече, —
как, обгорев, но ран не замечая,
он бродит, пряча розовые плечи
среди густых метёлок иван-чая.

И я слышала — смертная, мирская, —
как на чужом наречьи незнакомом
он пел, тяжёлых век не размыкая,
кому не знаю: птицам, насекомым...

И мне казалось, будто в этом теле
ему легко среди травы и зноя...
И облака всё посолонь летели
кибиточками в Царство неземное,

уже звала не Волга, но — Валгалла,
и отцветало пёстрое, простое...
И я жила, пока ещё мелькала
его спина в зелёном травостое.

Сколько ни славословь
пламя того куста, —
это ли — не любовь,
это ль — не красота?

Здесьняя, злая вся —
ангельским бьёт крылом,
на волосах вися,
словно Авессалом,

смутной своей тоской
смертному отслужив.
Но в красоте плотской
замысел Божий жив.

Чтобы Высокий Глас
не угасал в кусте,
плачу о смертных нас,
плачу — по красоте!

В мире деревьев и трав,
вторящих небесам,
голову потеряв,
плачу по волосам.

Тупая усталость, предсмертная дрожь, —
как будто по снежному полю идёшь.
Как старая Герда — любовь во плоти —
застыла, забылась и сбилась с пути.
И меркнет рассудок, и сумрак — вокруг,
и дремлет под снегом ненайденный друг.
Забвеньё, затишье, и дело — к утру,
сухие былинки звенят на ветру.
И слышно, как в норах — во мраке парном —
полёвки хрустят припасённым зерном.
И манит подземный мышиный уют.
Но белые волки призывно поют...
И кто-то по следу — из далей иных —
уже подъезжает в санях ледяных.

От земли поднимутся холода,
незаметно с ночи повалит снег.
Ты увидишь небо из-подо льда,
ты проснёшься рыбою, человек.

Неусыпным оком гляди во тьму,
серебристым телом — плыви, плыви...
И не думай: Это зачем Ему? —
всё, что Он ни делает — от любви.

Не ропщи, что речь твоя отнята,
не по небу ходишь, не по земли.
Если рыбе дадена — немота, —
то самым дыханьем Его хвали.